

Натали Бэй, современная женщина

Экран и сцена - 1999. - стр. 9/16. (116)

Возвращение

— Что привлекло вас к фильму «Салон красоты «Венера»?

— Сам сюжет. Тони умеет показывать душу современной женщины — настоящего бойца, готового принять на себя ответственность за других. Но за крепким фасадом — паника и смятение. Мне было интересно показать процесс слома многочисленных слов защиты, за которыми прячется душа Анжелы. В нашу эпоху большое значение придается внешнему: нужно всегда быть в форме — молодой, спортивной, улыбающейся. Мы так стараемся казаться воплощением успеха, что вся нация считает соседа удачливее себя.

— В последнее время вы играете женщин с независимым характером, и Анжела — не исключение. Это случайно, или вы намеренно выбираете такие роли?

— Думаю, случайность — хотя сама я никогда не пыталась анализировать такие вещи. Когда мне предлагают роль, я не думаю о том, похожа героиня на меня или нет. Я люблю, когда между мной и персонажем есть дистанция, и ее нужно преодолевать. Но я действительно склонна к независимости и одиночеству.

— Тони Маршалль говорила, что нашла в вас неисчерпаемый талант играть одиночество.

— Одиночество никогда не пугало меня. Почему оно должно пугать? Мне странно, когда об одиночестве говорят, как о болезни. Люди боятся молчания, и этот страх делает их уязвимыми.

— Вам было одиноко на съемочной площадке «Салона красоты «Венера»?

— Так всегда бывает, когда во мне рождается персонаж. Мне было очень приятно общаться с Матильдой Сенье, с Самуэлем Ле Бианом, Бюлль Ожье, но я часто изолировала себя от остальных, чтобы лучше сосредоточиться. Не могу сказать, что Анжела — это вылитая я. Правда, у меня тоже часто бывают перепады настроения — от смеха к слезам и наоборот. Это у меня от отца. Наверное, я могу понять ее мужество — не люблю себя хвалить, но меня часто называют «маленьким солдатом».

— Вас редко можно увидеть в таком затрапезном виде, как в этом фильме.

— Когда я начинала сниматься в кино, мне хотелось только одного — нравиться и обольщать. С годами это проходит, и сейчас меня интересует только одно — работа. Конечно, попрехнему хочется нравиться, но это не главное. Главное — играть и искать предел своих возможностей. Я не боюсь — у меня нет того, что называют «проблемами с имиджем».

— Ваши родители имели отношение к кино?

— Нет, они были художниками, но один из моих дядюшек был совладельцем кинотеатра. Мы с детьми

Исчезнувшая на несколько лет с экранов Натали Бэй с триумфом возвращается к нам. Ранее в этом сезоне она снялась в фильме «Берегись, если я тебя полюблю», сейчас на экраны Парижа вышел фильм «Салон красоты «Венера» (Venus beauté (Institut)). Оба фильма поставлены женщинами: первый сняла Жанна Лябрюн, второй — Тони Маршалль. В «Салоне» речь идет о жизни трех работниц салона красоты — с их радостями, печалью и надеждами. Бэй играет Анжелу — женщину, пережившую много душевных травм, разуверившуюся в любви и поклявшуюся никогда больше не впускать мужчину в свое сердце. Но приходит день, и она знакомится с человеком, который влюбляется в нее по уши.

его партнера устраивали там представления для избранных: Мишель Морган, Анри Видаля, Мишеля Одиара. Но в кино я ходила мало и эти люди не производили на меня такого впечатления, как на остальных. Только в подростковом возрасте я стала различать звезд по именам. Я была без ума от Стива МакКуина и Жана Габена.

— Вы говорили, что детство у вас было нелегким.

— Я постоянно витала в облаках. Мои родители были довольно необычными людьми, они меня не дрессировали и предоставляли много свободы. Сейчас я понимаю, какое это было счастье, но тогда мне хотелось, чтобы у меня были такие же папа и мама, как у остальных ребят. В школе я училась очень плохо — у меня была дислексия. В 14 лет бросила учебу и решила стать танцовщицей. Многие годы воспринимала недостаток образования как тяжелое бремя. Но танцы спасли меня — иначе бы я всю жизнь терзалась из-за своей никчемности. Я училась в танцевальной группе, где преподавали русские хореографы, они требовали идеальной дисциплины и напряженного и самозабвенного труда.

— Вам нравилось танцевать?

— Я была неплохой танцовщицей, хотя назвать себя выдающейся не могу. Наверное, я все же заставляла себя заниматься до седьмого пота, чтобы родители не думали, что я пустая и глупая девчонка. Мне все время хотелось избежать семейных конфликтов.

— В 17 лет вы уехали в США. Зачем?

— Опять же — чтобы убежать от конфликтов с родителями. Я все время от чего-то убегала — от школы, от родительского развода. Тогда, в 60-е годы, отъезд в Нью-Йорк был гораздо более эффектным поступком,

нежели сегодня. Мне это очень помогло — я внезапно осознала, что могу быть смелой и независимой. Я прожила в Америке полтора года практически без денег, подрабатывала приходящей няней, чтобы платить за уроки танцев. После этого французские мистификации показались мне раем!

— Как вы перешли от танцев к лицедейству?

— По возвращении мне удавалось найти работу только в отвратительных притонах. Одна из моих подружек записывалась на курсы Симона, я пошла с ней и познакомилась с самим Симоном, который оказался потрясающим человеком. Он взял меня, наблюдал за мной месяца два и выяснил, что я продолжаю танцевать, чтобы платить за учебу. Симон уговорил меня бросить танцы и сосредоточиться исключительно на театре. Благодаря ему мне удалось поступить в Консерваторию. Родители были в ярости, но Симон сумел их переубедить.

— А ваша подруга?

— Она бросила курсы через восемь месяцев. Многие бросают — не выдерживают напряжения и стрессов. Симон читал нам письма бывших учеников — один стал аптекарем, другая — домохозяйкой. Именно тогда я поняла, что профессиональному актеру нужно иметь не только талант, но и определенное отношение к жизни и работе.

— Вы верили, что вас ждет успех?

— Не знаю. Не помню. Я всегда жила сегодняшним днем и не задумывалась о будущем. Многие строили планы, расписывали вперед... У нас была тесная компания — Дюссолье, Юстер, Бальмер, Жак Вебер. Мы всегда ходили в один и тот же бар неподалеку от Консерватории. Помню день, когда Андре Дюссолье ввалился к

нам и объявил, что будет сниматься у Трюффо! Наверное, с того дня и начался отсчет моей настоящей жизни. Мы смотрели на Андре, разинув рот. До этого мы думали только о театре, нас так поразило, что он попал в кино!

— Трюффо дал вам первую роль в фильме «Американская ночь».

— Да, я как раз в то время закончила Консерваторию. Наша первая встреча была какой-то неопределенной. Он не был уверен, что я подхожу на роль, но все же попросил прийти еще раз и почитать с ним сценарий. Кажется, я читала очень плохо. Мне было жарко, я делала какие-то глупости. Франсуа подумал, нацепил мне на нос очки и сказал, что я буду играть девушку с хлопушкой. Я почувствовала себя уродиной.

— И тем не менее в этом фильме вы произнесли реплику, которая стала бессмертной.

— «Я брошу мужчину ради фильма, но не брошу фильм ради мужчины». На съемках я постоянно говорила противоположное, им пришлось переиснять этот эпизод сто раз!

— Может быть, дело в том, что вы были не согласны с Трюффо?

— Нет, это были отголоски детской дислексии. Конечно, я не брошу мужчину ради фильма. Но поскольку я человек ответственный, фильм ради мужчины тоже не брошу. Франсуа считал, что кино лучше жизни. А мне кажется, что кино просто часть жизни.

— Правда ли, что Билли Уайлдеру очень понравилась ваша роль в «Американской ночи»?

— Он решил было, что я действительно ассистентка Трюффо. Меня это ужасно расстроило. В те годы я была слишком глупа, чтобы понять, как это лестно для актрисы. А во время съемок мне казалось, что я вовсе не актриса. Настоящими акте-